

Мужской театр Отара Джангишерашвили

Куботура. — 1998. —
23-29 апр. — с. 12

На соискание Государственной премии

39

Десять лет назад в Волгограде произошло невероятное событие. Впервые в стране был расформирован областной драматический театр. На его месте возник НЭТ — Новый экспериментальный театр.

Родилась фантастическая по тем временам идея — соединить в рамках одного коллектива принцип репертуарного театра с антрепризой, контрактной системой. Требовалось воплотить новую, вернее, забытую дореволюционную театральную модель, увязать кассу и качество, подобрать крепкую команду профессионалов, в которой каждый знал бы свое место и дорожил им. И здесь необходим был Хозяин, человек талантливый и опытный, достаточно испивший из чаши провинциального театрального бытия. Им и стал О. Джангишерашвили.

На фоне бедственной жизни провинциальных театров НЭТ — оазис благополучия. В течение десятилетия — ежевечерние аншлаги, фантастические по нынешним временам зарплаты. При этом небольшой — всего 25 человек — творческий состав — согласитесь, неплохой аргумент в пользу долгожданых театральных реформ.

Джангишерашвили — строитель театра в почти забытом смысле этого понятия. Для него нет мелочей, нет понятий черновой работы. Он держит в руках все нити, имеет возможность, не выходя из своего прекрасно отделанного кабинета, по внутреннему монитору наблюдать за всеми подразделениями театра.

Стерильная чистота закулисья, вкусная, дешевая актерская столовая, больше похожая на уютный грузинский ресторанчик, новые комфортабельные кресла зрительного зала, заново отделанное фойе, причудливо соединившее сталинский ампиризм и черно-красный конструктивистский дизайн. А разве мелочь — маленький старинный оркестр, чинно играющий в антрактах, или комната для детей, или автобус по заказу зрителей? Доверяет все элегантная фигура распорядителя зала. Ежевечерне

связаннодействуя при обязательной бабочке, смокинге и радиотелефоне, он отпирает двери партера и лож, виртуозно рассаживает публику, излучая достоинство, подчеркивая торжественность происходящего.

Вот, собственно, и найдены главные слова — достоинство и атмосфера общего радостного дела. Четкость, собранность — все это подчеркнуто вопреки безалаберности "текущего момента". Кстати сказать, эти усилия в прошлом году были по достоинству оценены театральной общественностью — премией им. К. С. Станиславского.

Почерк руководителя — определенный, властный — чувствуется и в большинстве спектаклей театра. Джангишерашвили мало просто вежливого зрителя, ему нужен зритель если не потрясенный, то во всяком случае неравнодушный, активно включенный в действие. Так родилась форма спектакля-зрелища, спектакля-праздника, излучающего мощную витальную энергию.

Потребность в новом сценическом мышлении, новых ритмах, новых токах времени определила и близость к современным формам искусства, к молодежной культуре, шоу, шоу, клипу, особенностям экстравагантных дефиле. Причем электика здесь органична и утверждается как принцип, черта художественного мировоззрения.

И все-таки главное в этом театре — Актер. Уровень профессионализма, степенность ежевечерней самоотдачи, с которой играют актеры НЭТа (порой по 25 спектаклей в месяц), редка!

Среди последних работ театра — "Женихи" ("Женитьба") Гоголя, "Маскарад" Лермонтова. Спектакли, обозначающие собой разные векторы его художественной манеры. Откровенный бурлеск, самоценная радостная театральность и великолепие звучной классической мощи.

Впрочем, как раз "Женихи" могли бы показаться даже избыточным спектаклем, так много в нем яркого, экзотического: золотых

Сцена из спектакля

портьер, бриллиантовых брошей с куриное яйцо, неожиданного Стелана с китайской косицей и татуировкой через всю спину. Заразительная клоунада заполняет собой закулисы сцены. Если бы... на этом все и кончалось. Но с этого, к счастью, в спектакле все только начинается — неожиданная глубина и какая-то всеобщая сумасшедшая тоска "по лучшей жизни", хотя бы небольшому, но Событию среди скудных буден.

Подколесин в исполнении О. Алексеева точно держит эту ноту. Болезненно вежливый, изначально виноватый, этот очкарик-интеллигент все еще на что-то надеется. Впрочем, не он один. Каждый из разномастных женихов (вплоть до материализовавшегося кулчины — борода лопатой, золотая в палец цепь на волосатой груди) переживает что-то вроде своего звездного часа, равного мгновенно, чтобы потом вновь погрузиться в тоскливое небытие. В финале режиссер все же элегантно, водовильно закругляет действие, не

противореча самому себе и снимая остроту "проклятых вопросов".

В "Маскараде" же он доводит их разрешение до логического беспощадного конца. "Маскарад" вообще играет так, словно это последний спектакль в жизни. Чувствуется, что задуман он Игроком, человеком, который не боится поставить на карту все. В каком-то смысле это программный для Джангишерашвили спектакль.

В огленности конфликта "Человек-Судьба", в его здесь подчеркнутой прямолинейности, — обаяние силы, мужского начала, без которого невозможно такое прочтение пьесы. Для того чтобы усилить это противостояние, придать ему экзотическую окраску, режиссер насыщает спектакль страстями корриды, срачивает его тань с музыкальной стихией "Кармен" Бизе — Щедрина.

Арбенин О. Алексеева и впрямь похож на тореадора — статью, крупную лепкой надменного лица, потребностью самоутверждения и самоосвобождения. Кажется, бе-

лое пятно его рубашки будет и впрямь притягивать весь "сумрак ночи", бездонную черноту сцены, прорезавую вдруг мощным бурлящим водопадом.

Пространство трагедии сжимается вокруг героя. Оно уничтожает его жесткостью мизансцен, хореографической четкостью бездушной жесты. Картина бала, стилизованная под роскошные венецианские празднества (черное с золотом, черное с серебром), — по сути, апофеоз окончательности. Коррида теряет своего изобретателя, но это достойный уход.

Итак, за десять лет созданы не только театр, но, что не менее важно, околотеатральная среда, свой круг, большую часть которого составляет молодежь. В театр приходят уже дети первых зрителей Джангишерашвили. Для них билет на спектакль НЭТ — что-то вроде пропуска в мир рождественских подарков, гарантированного удовольствия.

Елена СИЗЕНКО